

Е. И. Зиновьева

СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕ В ПАМЯТНИКАХ ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВЕКОВ*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье рассматривается стереотипное представление об измене в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. К исследованию привлекаются контексты памятников деловой письменности, разговорников, публицистики, фольклора, данные региональных исторических словарей русского языка, опубликованных в последние десятилетия. Проводится функционально-семантический анализ наиболее употребительных единиц словообразовательного гнезда: существительных *измена*, *изменник*, глагола *изменить*, прилагательного *изменный*. На основании полученных результатов автор приходит к выводу о том, что ядро рассматриваемого фрагмента языковой картины мира составляет социально-политическое восприятие измены как предательства интересов государства, преступления против личности государя. Применительно к контекстам, в которых речь идет о восстании Степана Разина, делается вывод о том, что все проанализированные единицы выступают как слова-синкреты, объединяющие значения нарушения верности государству и государю, преступный умысел, тайный стговор, заговор, бунт, мятеж. На периферии стереотипного представления об измене в рассматриваемую эпоху находятся бытовые повседневные употребления лексем, касающиеся нарушения данного слова в торговой сделке, обмана и предательства в дружбе. Библиогр. 24 назв.

Ключевые слова: стереотипное представление, словообразовательное гнездо, значение, оттенок значения, контекст, памятник, устойчивое сочетание, обиходный язык.

STEREOTYPED VIEW OF TREASON IN MONUMENTS OF EVERYDAY LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA OF 16–17th CENTURIES

E. I. Zinovieva

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article examines a stereotype of treason in the everyday language of Moscow Russia of 16–17th centuries. The author relies on contexts from monuments of business writing, phrasebooks, publicism, folklore and data of historical regional dictionaries of the Russian language, published in the last decades. She also provides functional and semantic analysis of the most common units of the derivational word family: nouns *izmena*, *izmennik*, the verb *izmenit'*, the adjective *izmennyi*. Based on these results, the author concludes that the core of this fragment of the worldview includes socio-political perception of betrayal as a high treason, crime against a Czar's personality. In relation to the contexts in which it is the rebellion of Stepan Razin, it is concluded that all of the analyzed units act as word-sincretas uniting meanings of violation of allegiance to the State and the sovereign, criminal intent, collusion, conspiracy, rebellion, revolt. At the periphery of the stereotypical concept of treason in this era are "domestic" everyday use of lexemes for a breach of promise to bargain, deceit and betrayal in friendship. Refs 24.

Keywords: stereotype, derivational word family, meaning, shade of meaning, context, monument, set expression, everyday language.

Под стереотипным представлением в данной статье, вслед за В. В. Красных, понимается «некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная «картинка», являющаяся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [1, с. 178]. Конечно, такой инвариант применительно к далеко отстоящим от нас эпохам может быть выведен с достаточной степенью

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00110.

условности, так как выводы базируются на материале контекстов ограниченного круга памятников. Под обиходным понимается язык, применяемый в повседневной жизни людей Московской Руси, используемый преимущественно в бытовой и деловой сферах, в зарождающейся публицистике. В качестве источников материала послужили контексты деловой письменности, фольклора, русско-иностранных «разговорников», входящие в картотеку «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (далее — СОРЯ), данные региональных исторических словарей русского языка, опубликованных в последние десятилетия. Концепция СОРЯ заключается в детальной разработке и представлении различных значений, оттенков значения, употреблений, отдельных случаев специфического функционирования слов в языке эпохи (см. подробно: [2]).

Именем интересующего нас в данной статье фрагмента языковой картины мира является существительное *измена*. Оно входит в состав достаточно большого по объему и частотности употребления составляющих его единиц словообразовательного гнезда, что свидетельствует о важности этого фрагмента языковой картины мира в данный период. В картотеке СОРЯ кроме самого существительного *измена* зафиксированы существительное *изменушка*, глаголы *изменить*, *изменять*, *изменить-вать*, *изменить*, существительные *изменник*, *изменичик*, *изменичинок*, прилагательные *изменный* и *изменничий*.

Остановимся подробно на наиболее употребительных единицах словообразовательного гнезда.

Измена — это ‘нарушение верности, предательство’. Специфика стереотипного представления применительно к рассматриваемому времени и кругу источников заключается в том, что на бытовом уровне, в межличностных отношениях существительное *измена* в данном значении практически не функционирует. Встретился лишь один пословичный контекст: «Другу вѣрну нѣсть *измѣны*» [3, с. 95, XVII в.]. Прежде всего, как свидетельствуют анализируемые контексты, речь идет о предательстве интересов государства, нарушении верности межгосударственным и верноподданническим соглашениям, пособничестве врагу во время военных действий: «К сему же и литовская брань улучилася вашею [Курбского] же *изменою* и недоброхотством и нерадением безсоветным» [4, с. 11, 1564 г.]; «Прежде государь Казанского взятыя во многия времена государи и цари наши великие князи киевские и московские посылали бояр и воевод своих, и с ними безчисленное христолюбивое воинство, воевати казанских царей за их *измену*» [5, с. 123, 1592 г.]; «Велел ты государь ту мою вотчинку и поместейцо отдать немке Варваре Анцынѣ жене Шхульты, что у нѣе взято за *измену* при царе Василье» [6, с. 143, 1613 г.]; «Также будет, ...кто Царского Величества с недруги учнет дружитися... и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его *измену* допряма: и такова изменника по тому же казнити смертию» [7, с. 28]; «Живого четвертають, а потомъ голову отсѣкають за *измѣну*, кто городъ здасть неприятелю, или съ неприятелемъ держитъ дружбу листами, или иные злые измѣнные и противные статьи объявятся» [8, с. 95, 1667 г.].

Подобное нарушение верности рассматривается как государственное преступление. Клятва «не приставать» к такого рода преступлению специально оговаривается в формуле крестоцеловальной записи: «Аз, имярек, целую крест Господень Государю своему... или кто учнет с изменники, или с татары, или с литовскими, и с немецкими людьми ссылатся, и мне с теми людьми за государей своих, за их

государство битися до смерти, а самому мне ни к какой *измене*, и к воровству ни к какому, и ни к какой воровской прелести не приставать» [9, с. 277, 1652 г.].

В анализируемых контекстах частотно использование падежной формы *изменою* в значении наречия — ‘предательски, вероломно’: «Какая болшая неправда королеве и свѣиской коруне учинилас от курфистра Сазонского... под его королевина величества коруне свѣиской державы и княжества и земли насилством приходиль под именитые мѣста и крепости и под Гавелберхъ и Вердерберскую шанцу *измѣною* и город Ратеновъ приступом взял» [10, с. 174, 1637 г.]; «А будет кто умышлением и *изменою* город зажжет... и его самого сжечь без всякаго милосердия» [7, с. 28].

Пребывание в качестве подданного в иностранном государстве также квалифицируется как измена, данный оттенок значения актуализируется в контекстах употребления глаголами *быть*, *воротиться* и предложениями *в* и *из*: «А старые их бояре, которые *были* в *измене*... тех холопей ищут» [11, с. 378, 1698 г.]; «И те его люди с воли бьют челом кому в холопство, а после того тот изменник *из измены* воротится» [6, с. 337].

Ряд контекстов свидетельствует о том, что под изменой подразумевается тайный заговор, сговор против правящего лица: «Ен же сам Грозной нахваляется: “Как повыведу *измену*-то я из Киева. А повыведу *измену* из Чернигова”» [12, с. 287, XVI в.]; «А во Французской землѣ против короля *измѣна* объявилася и про тое *измѣну* накрепко сыскивали и по князя де Редома четыре знамен ратных людеи послали чтоб его привести и в пойманье посадить а корол видя что калвинские вѣры никово в той *измѣне* не было и он ихъ в том хвалил и лутчи прежнего жалует» [10, с. 78, 1626 г.]; «Из Регеншпурка пишут буде в Вѣне городе объявитца другая *измѣна*, и тогда многим будет погинут вконецъ, а для первой *измѣны* двумъ члвкомъ дховного чину головы отсѣчены» [11, с. 499, 1670 г.].

Важен даже соответствующий образ мыслей, склонность к обману: «Воевода Инволаклавский ходѣл объявить великаго канцлѣра бутто он склоненъ к *измѣне*, о чем канцлѣр ему отвечал, бутто он самъ таков и к тому дѣлу склоненъ» [11, с. 324, 1668 г.]; «И в казанских служилых татарех и в ясачных людех — в чюваше и в черемисе, и в вотяках велети шатость и *измены* проводывать всякими мерами тайно, чтоб было не явно» [13, с. 293, 1649 г.].

В образном фольклорном контексте наблюдается персонификация измены: «[Иван-царевич]: За одним столом *измена* хлеба кушает» [12, с. 328, XVI в.].

Измена государству предполагает измену личности государя, что расценивается как тяжкое преступление. Нарушение верности государю внутри государства, в среде подданных, расценивается как бунт, мятеж. Формируется второе важное для рассматриваемого периода значение существительного. При этом лишь условно лексикографически можно развести первое и второе значения, так как в контекстах, в которых речь идет о восстании Степана Разина, *измена* — это слово-синкрета, подразумевающее и предательство, обман, и тайный сговор, и соответствующие противоправные действия — бунт: «И Острогожского, государь, полку полковник Ивашко Дзиньковской и ево советники, которые к воровству и к *измене* были пущие заводчики и к воровским казаком Стенькиной станицы Разина пристальцы, и те воровские казаки в Острогожском кажнены до сего твоево великого указу и грамоты» [14, т. 2, ч. 2, с. 58, 1670 г.]; «И буде, государь, за мною, холопом твоим, сыщется воровство и бусурманство и *измена*, и я, холоп твой, достоин без всякова милосердия смерт-

ной казни» [14, т. 4, с. 122, 1672 г.]. Устойчивое сочетание *быть в измене с кем-либо* означает 'состоять в предательском сговоре, участвовать в мятеже': «Ты, ... гетман Демьян Игнатович, велел розослать верных и знающих людей, ково доведетца, для проведывания и сыску таких же воров, которые в воровстве и *в-измене были с вором* Стенькою Разиным» [14, т. 2, ч. 2, с. 131, 1670 г.].

Глагол *изменить* в рассматриваемую эпоху полисемантичен. Реализующими интересующее нас стереотипное представление являются два значения этого глагола (учитываются также и деепричастные формы). Первое относится к сфере быта, межличностным повседневным отношениям — 'нарушить обещание, слово, клятву'. Данное значение встречается в контекстах из разговорника: «Очём ты моё слово переставливаешь / переворачиваешь? Я так с тобою не приговорил, как ты нынѣча *измѣнив* молвишь» [15, с. 320]; «Изменник ты, *измѣнил* ты мнѣ, отсулив товар, да нынѣча иному продал» [15, с. 320]. Значение актуализируется и в устойчивом сочетании, свойственном разговорной речи, *изменить словом*: «Измѣнник ты, *измѣнил* ты своим *словом*: ты мнѣ тот товар вперед отсулил да опять иному продал, которой тебѣ боле меня дал» [15, с. 244]; «Ты *измѣник*, сманил ты мною (sic); ты мнѣ давал полпятадесят пудов пеньки за три мѣха соли, и ты нынѣча своему слову не осподарь, *измѣнил* / *свѣрнул* ты своим *словом*, да нынѣча ты скажешь, я за сорок пудов конопляных три мѣха соли посулил; ты *измѣник*, взад ты говоришь, дай Господи тебѣ взад жить» [15, с. 347].

Наиболее частотным является употребление глагола во втором значении 'нарушить верность, совершить предательство': «[Бояре]: *Изменил* тее, царю белому, придалси он [Мишенька] к хану турецкому» [12, с. 464, XVI в.]; «И гости Фрянчик и Иван сказывали: "...и королевне деи ведамо учинилося от ближних людей, что он [Эрл Эксетцкой] хочет *изменить*, королевну хочет убить, а сам хочет сести на Аглинском королевстве королем» [16, с. 179, 1601 г.]; «Из грамоток варшавских вѣдомость что турской салтан, на походе и свои де поганские шатры поставил на границах, а татары и казаки королю *изменили* и из украины многих людей вѣ полон собою повезли, и многих порубили» [11, с. 337, 1668 г.].

Изменить употребляется в формуле крестоцеловальной записи: «И нам за тех людей стояти друг за друга всем заодно единомышленно и их не выдавати, покамест Бог нам даст на Московское государьство Государя, и через крестное целованье *не изменити ни в чем ни которыми делы, ни которою хитростию*. А кто не учнет по сей записи креста целовати... и буди тот проклят в сем веце и в будущем» [17, с. 320, 1611 г.]; «Аз, имярек, целую крест Господень Государю своему... Его Царского Величества детям *не изменити ни которыми делы и ни которою хитростью*» [9, с. 277, 1652 г.].

В рамках данного значения глагол выступает с оттенком 'сменить подданство, переехав жить в иностранное государство': «А будет кто *изменит*, а после его в Московском государстве останутся отец, или мати... Да будет сыщется допряма, что они про измену того изменника ведали: и их казнити смертию же» [7, с. 29]; «А попова Кондратьева сына Демешку и дьячка Гаврилкова отца попа Ивана велѣлъ дать на поруку съ записью, что имѣ, государь, *не измѣнить* и вѣ Литву не сбѣжать, а животовъ ихъ на себя, государь, отписывать не велѣлъ» [18, с. 62, 1631 г.].

В контекстах, касающихся восстания Степана Разина, значение глагола синкретично: он обозначает и 'нарушить верность государю, совершить преступление про-

тив личности государя, и 'участвовать в тайном сговоре против государя, и 'принимать участие в бунте': «И животишка наши и животину и платье и всякую рухледь и хлеб побрали [воровские люди] без остатку, для того, что мы, сироты твои, тебе, великому государю, *изменить* не похотели» [14, т. 2, ч. 1, с. 399, 1657 г.]; «В прошлом де во 179-м году, в бунт воровских казаков *изменил* нам, великому государю, рыбенской полковник» [14, т. 4, с. 143, 1673 г.]. Изменить государю обозначает одновременно и изменить в его лице государству: «Вор и богоотступник и изменник казак донской Стенька Разин с товарищи, забыв Господа Бога и святую соборную и апостольскую церковь, и православную христианскую веру, и наше великого государя крестное целованье, *нам, великому государю, и всему Московскому государству изменил*» [9, с. 110, 1670 г.].

Глагол также используется с оттенком второго значения 'отступить от веры': «Объщание свое преступихъ, Богу моему солгахъ и *измѣнихъ*» [19, с. 316, 1672 г.].

Существительное *изменник* функционирует в контекстах картотеки СОРЯ в бытовом, повседневном общении в значении 'тот, кто нарушает данное слово, обещание'. Ср. в разговорнике: «Очѣм ты своѣво слова не запираешься? Так *измѣтники* дѣлают» [15, с. 371].

Самым частотным является употребление существительного в значении 'тот, кто совершил предательство, вероломный поступок'. Прежде всего речь идет о предательстве интересов государства, нарушении межгосударственных договоров: «И государь наш... государя вашего однолично пожалует, даст ему людей, кем оборонится ему от Ягана и от своих *изменников*» [20, с. 53, 1567 г.]; «В прошлой ден цисарское величество писма печатати и прибивати велѣл что ни во что ставити и не слушати б того что они новог короля изобразили а чеховъ имѣт за *измѣнников*» [10, с. 30, 1620 г.].

Оттенком значения выступает 'тот, кто сменил подданство, переехал жить в иностранное государство': «И те его люди с воли бьют челом кому в холопство, а после того тот *изменник* из измены воротится» [7, с. 337].

Участники восстания Степана Разина квалифицируются как изменники в синкретичном значении 'тот, кто участвует в тайном сговоре, преступлении против личности государя, бунте': «И вор де Стенька Разин, собрався с ворами з донскими казаки, и с астраханскими, и с саратовскими, и с самарскими ворами, и с-*изменники* с синбирскими, и по черте изо всех городов с ворами из розных городов, с татары и с чувашею, и с мордвою, с великим силами почел на него наступать» [14, т. 2, ч. 1, с. 138, 1670 г.]; «И из Саранска, государь, я, холоп твой, от воровского приходу и от тутошных градцких жилетцких людей от *изменников* твоей великого государя казны 17 500 рублей увез я» [14, т. 3, с. 336, 1674 г.]. Существительное *изменник* встречается как член устойчивого сочетания при наименовании Степана Разина и его сподвижников — *вор и изменник (богоотступник, крестопреступник, бунтовщик, душегубец, мятежник)*.

Еще одним значением анализируемого существительного в рассматриваемую эпоху является 'отступник от веры': «*Изменник* христианом или лазутчик не бывал ли еси?» [21, с. 441, 1623 г.].

Прилагательное *изменный* употребляется в значении 'нарушающий верность, предательский'. В контекстах, актуализирующих это значение, речь идет о предательстве интересов государства, заговоре и преступлении против личности государя.

ря: «Потом же, *изменным обычаем*, недругу нашему литовскому почяли отчину нашу отдавати, грады Радогощ, Стародуб, Гомей: и тако ли доброхотствуют?» [4, с. 32, 1564 г.]; «А будет к тем волостем подошли блиско волости и деревни иных *изменных* городов, и Мисюрю да Девятому в тех волостях татар и черемису потомуж к шерти приводить» [17, с. 672, 1609 г.]; «В Барцелоне сказываютъ великой *измѣнной завод* объявился в которомъ много именитыхъ людей есть» [22, с. 60, 1646 г.]; «И въ техъ де воровскихъ *измѣнныхъ грамоткахъ* писано про государя царя князя Алексея Михайловича непригожее непристойное слово» [18, с. 79–80, 1635 г.]. Устойчивое сочетание *изменное дело* употребляется как обозначение конкретного вида преступления: «А будет которое *изменное дело* дойдет до которого мурзы, и им тех мурз велети держати по дворомъ за крепкими приставами и за сторожи» [13, с. 262, 1628 г.]; «Да будет кто по расспросу и по сыску, в *изменном деле* дойдут до пытки, и их велеть и пытать» [23, с. 286, 1697 г.]. Сочетание *быть на воровском изменном деле* обозначает 'быть в сговоре, участвовать в бунте'.

Вторым значением прилагательного, тесно связанным с первым, является 'перешедший на сторону врага': «Прежние вѣсти пребывают что казаки посполито турскому салтану поддались и для того паша Селистрииский и татары козацких полоняников всѣхъ отпустили а Брюховецкой нне з Дорошенком в крѣпком соединени, которой учиненъ гетманом всѣхъ *измѣнныхъ* казаков» [11, с. 269, 1668 г.].

Таким образом, в стереотипном представлении об измене во фрагменте языковой картины мира Московской Руси XVI–XVII вв. измена предстает прежде всего как социально-политическое явление, предательство интересов государства, что неразрывно связано с преступлением против личности самого государя; особая роль отводится мятежу, бунту внутри государства, чему способствовали события, связанные с восстанием Степана Разина. При этом и существительные *измена* и *изменник*, и однокоренные глагол *изменять* и прилагательное *изменный*, характеризующие бунт, бунтовщиков, их действия, синкретичны по семантике, так как подразумевается и соответствующий образ мыслей, и готовность вступить в сговор, и участие в заговоре, и сами противоправные действия. Эта социально-политическая составляющая образует ядро стереотипного представления, свойственного рассматриваемой эпохе. Ближнюю периферию анализируемого фрагмента «ментальной картинки» формирует религиозная составляющая — отступление от православной веры. Бытовые, повседневные представления о нарушении верности, не имеющие государственного значения, такие как измена в дружбе, отказ от данного обещания, слова в торговых сделках, организуют периферию стереотипного представления.

Литература и источники

1. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ГНОЗИС, 2002. 284 с.
2. Генералова Е. В., Зиновьева Е. И. Семантическое представление единиц в историческом толковом словаре // *Studia Slavica Hung.* Vol. 57, N 1. 2012. С. 91–109.
3. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / собрал П. Симоны // Сб. ОРЯС. Т. 66, № 7. СПб., 1899.
4. Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
5. Исламова Э. А., Галиуллин К. Р. Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2000.

6. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпы печатного приказа / под ред. Л. М. Сухотина // Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1, 2. Приложение. С. 1–202.
7. Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производятся, сочиненное и напечатанное при владении государя ц. и в. к. Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6. М., 1959.
8. *Котошихин Г. О.* России в царствование Алексея Михайловича: 2-е изд. СПб., 1859.
9. *Галиуллин К. Р., Шакирова Р. Р.* Казанский край: Словарь языка памятников 3-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2009.
10. Вести-Куранты: 1600–1639 гг. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова; Институт русского языка АН СССР. М.: Наука, 1972. 348 с.
11. Уставные (указные) книги приказов XVI–XVII вв. // Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956.
12. Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Наука, 1960.
13. Вести-Куранты: 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: русские тексты. Ч. 1 / изд. подгот. В. Г. Демьяновым; под ред. А. М. Молдована и Ингрид Майер; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.
14. *Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р.* Казанский край: Словарь языка памятников 2-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2010.
15. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. Т. 1 — М., 1954; Т. 2, ч. 1 — М., 1957; Т. 2, ч. 2 — М., 1959; Т. 3 — М., 1962; Т. 4 — М., 1976.
16. Tonnie Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. Copenhagen, 1970.
17. Статейный список Г. И. Микулина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 156–205.
18. *Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р.* Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008.
19. *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. Т. 14. М., 1911.
20. Челобитная дьяка Ямского приказа Григория Всполохова поданная царю Алексею Михайловичу в 1672 году / Изд. об-ва люб. древ. и письм. № III. СПб., 1877.
21. Статейный список И. М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
22. *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2002. [тексты XVI–XVII вв.]
23. Вести-Куранты: 1645–1646, 1648 гг. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова; Институт русского языка АН СССР. М.: Наука, 1980. 408 с.
24. *Галиуллин К. Р., Дмитриева Р. Т.* Казанский край: язык памятников четвертой четверти XVII века. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2010.

Статья поступила в редакцию 11 августа 2014 г.

Контактная информация

Зиновьева Елена Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор; e_zinovieva@mail.ru
Zinovieva Elena I. — Doctor of Philology, Professor; e_zinovieva@mail.ru